

Инстинкт самосохранения сработал мгновенно — Шуанчэн резко отпрянул назад. Чутьё подсказывало, что пощады от Е Чжэня сегодня ждать не стоит. Уж лучше позорный побег, чем жестокая порка. В голове вспыхнула шальная мысль, и ноги сами понесли его к выходу. Вот она, свобода, прямо за порогом! Достаточно сделать один шаг — и он спасён.

Но судьба распорядилась иначе. Прямо у дверей, точно каменное изваяние, вырос человек, которого Шуанчэн, стоя на коленях, раньше и не заметил. Этот парень был ему знаком — личный слуга Е Чжэня по имени Фэйсэ. Сложением он обладал завидным: ладный, широкоплечий, так и пышущий силой.

На обратном пути в столицу Шуанчэн не раз видел, как Фэйсэ стрелой взмывал на верхушки деревьев, ведя разведку. С такими навыками лёгкости шага его боевые искусства явно превосходили обычный уровень. Против подобного мастера куцые приёмы Шуанчэна не стоили и ломаного гроша. Парень заколебался, но тут же вспомнил, что он вообще-то второй молодой господин в этом доме. Напустив на себя спеси, он попытался напролом прорваться сквозь заслон и грубо рявкнул:

— С дороги, псина! Хороший пёс не преграждает путь хозяину!

Фэйсэ даже не шелохнулся. Он преградил дорогу одной рукой и произнёс с безупречным почтением:

— Второй молодой господин, не заставляйте вашего слугу идти против долга.

Шуанчэн закипел от злости. Кто кого тут ещё заставлял?! Да они все сговорились с Е Чжэнем, чтобы извести его!

В этот момент из глубины комнаты раздался неторопливый, леденящий душу голос старшего брата:

— Сделай хоть шаг за порог, и я лично переломаю тебе ноги.

Шуанчэна продрал мороз до самых костей. Смерив Фэйсэ яростным взглядом — мол, погоди у меня, я тебе ещё припомню! — он резко развернулся, в несколько прыжков преодолел расстояние до брата и рухнул перед ним на колени. Намертво вцепившись в полы его одежд, парень истошно взвыл:

— Братец! Братишка! Ну бра-а-атик, бра-а-ат!..

Е Чжэнь недовольно поморщился.

— Ты что, кукарекать учишься?

Шуанчэн поперхнулся собственным плачем и поднял заплаканное лицо, полное вселенской скорби. Однако Е Чжэнь остался глух к этой пантомиме. Сделав шаг назад, он весело качнул зажатой в руке дисциплинарной линейкой.

— Пока ты рос вдали от меня, ты творил бесчинства, на которые я до поры закрывал глаза. Но теперь у меня к тебе ровно два вопроса. Во-первых, ты устроил дебош в академии и проявил крайнее неуважение к учителю. Во-вторых, ты толкнул Е Ци в воду, а после всеми силами изворачивался, лгал и пытался уйти от ответственности. Скажи, в чём из этого я тебя оклеветал?

Шуанчэну нечего было возразить. Он лишь уныло помотал головой.

— В таком случае протяни руки. Двадцать ударов.

— Братец...

Шуанчэн тут же спрятал ладони за спину и с самым жалким видом затряс головой, наотрез отказываясь подчиняться.

Е Чжэнь даже не повёл бровью.

— Тридцать.

— Братец, пощади!

— Сорок.

Страх взял верх. Перепуганный Шуанчэн поспешно вытянул вперёд левую руку, но Е Чжэнь холодно добавил:

— Обе руки.

Слёзы брызнули из глаз юноши с новой силой. Понимая, что со старшим братом торговаться бесполезно и это лишь увеличит счёт, он не посмел больше перечить. С тихим всхлипом он покорно поднял обе ладони перед собой.

Стоило ему замереть, как воздух с резким свистом рассекла тяжёлая линейка. Удар пришёлся точно по ладоням. От нестерпимой боли Шуанчэн истошно взвыл, искры посыпались из глаз, а он непроизвольно отдёргнул руки. В этот миг он готов был поклясться, что больше не выдержит ни единого удара.

Е Чжэнь гневно посмотрел, а голос упал до зловещего шёпота:

— Ты совсем забыл правила приличия? Кто разрешал тебе уворачиваться во время наказания?

Только теперь Шуанчэн осознал всю тяжесть своего положения. Не решаясь больше испытывать терпение рассвирепевшего брата, он до хруста сжал зубы и снова, преодолевая дрожь, вытянул вперёд ладони. На некогда нежной, белой коже уже наливался багровый, пылающий рубец.

Е Чжэнь больше не тратил слов. Свистящие удары посыпались один за другим. В тишине комнаты раздавались лишь резкие шлепки дерева о плоть да приглушённый, жалобный скулёр Шуанчэна.

К тридцатому удару ладони юноши страшно распухли, став пунцовыми и глянцевыми. Кожа в нескольких местах лопнула, сквозь неё начала сочиться кровь. Живого места на руках не осталось.

Е Чжэнь слегка нахмурился, но линейка вновь обрушилась вниз, завершая наказание. Шуанчэн взвыл раненым зверем. Больше не в силах сдерживаться, он рухнул на пол, катаясь по доскам и прижимая истерзанные ладони к груди. Слёзы и пот катились по его бледному лицу, превращая его в жалкое зрелище.

— А-а-а... Братец, ты же так убьёшь меня!

— Встань.

Ледяной, непреклонный тон Е Чжэня заставил Шуанчэна сжаться в ещё более тесный комок.

— Братишка, умоляю, хватит... Я больше не вынесу, честное слово, не вынесу! — захлёбываясь слезами, умолял он, содрогаясь от рыданий.

Е Чжэнь молча наклонился, намереваясь поднять его. Шуанчэн мертвенно побледнел и, задыхаясь от обиды, выпалил сквозь новые потоки слёз:

— Братец... Ты уехал в столицу и не возвращался целых десять лет! Знаешь ли ты, как тяжело мне было ждать тебя в Биньчжоу совсем одному? Ты видишь во мне только бездельника и смутьяна, но хоть раз спросил, как со мной обходилась семья дяди?! Если бы я сам не научился зубами выгрызать себе право на жизнь, кузен Ци и его братья давно бы со свету меня сжили! А ты только вернулся — и сразу за плетё. Неужели я для тебя просто обуза? Если так, лучше бы оставил меня подыхать в Биньчжоу! Это куда милосерднее, чем забивать родного брата до смерти своими руками!

Е Чжэнь посмотрел с сожалением. На мгновение он замялся, прежде чем глухо произнести:

— В том, что случилось за эти годы, действительно есть моя вина.

Но Шуанчэн лишь безутешно плакал. Лицо его осунулось от изнуряющей боли, он упрямо отвернулся к стене, не желая больше проронить ни слова.

Е Чжэнь всегда держал своё слово. Видя, в каком плачевном состоянии находится его младший брат, и чувствуя перед ним огромный долг за годы разлуки, он действительно не находил в себе сил продолжать экзекуцию. Однако холодный разум твердил иное: сейчас Шуанчэн ещё юн, его шалости можно простить и списать на глупость. Но что, если в будущем эта безнаказанность приведёт к непоправимой катастрофе?

Род Е из поколения в поколение славился великими книжниками и государственными мужами. Их прадед верой и правдой служил трём императорам, поднявшись до высшего чина первого ранга. Дед, чей блестящий ум не знал равных, удостоился чести обучать самого покойного государя. Отец некогда занимал почтенный пост Великого наставника во Внутреннем кабинете. Сам же Е Чжэнь, как старший наследник главной ветви рода, с малых лет постигал мудрость под крылом великого затворника и учёного, старого господина Чэна. Тот воспитал немало ярких умов по всей Поднебесной, но Е Чжэнь превзошёл их всех. Обладая феноменальной памятью и выдающимся талантом, он в молодые годы вознёсся на вершину чиновничьей иерархии, став истинным гением, рождающимся раз в столетие.

И в таком благородном, пропитанном ароматом книг и туши семействе умудрился вырасти Шуанчэн — ленивый, разбалованный повеса, не признающий никаких правил. Поистине, ирония судьбы.

Е Чжэнь помрачнел. Он твёрдо решил, что отныне возьмётся за воспитание брата со всей строгостью. Не дав юноше опомниться, он легко, одной рукой, оторвал его от пола и бесцеремонно уложил ничком на широкий деревянный стол.

У Шуанчэна не осталось сил даже на то, чтобы брыкаться. Прижатый к холодной столешнице, он чувствовал себя беззащитной рыбиной на разделочной доске, над которой занёс нож его собственный единокровный брат.

В следующее мгновение он почувствовал новую, сокрушительную вспышку боли в ягодицах. Слезы брызнули из глаз Шуанчэна сплошным потоком, быстро собираясь на дереве в крошечную лужицу. Окончательно лишившись воли к сопротивлению, он безропотно сносил каждый удар, моля лишь о том, чтобы этот кошмар поскорее закончился. Долгая дорога до столицы вымотала его без остатка, а теперь ещё и эта экзекуция... Накатившая слабость брала своё, и веки наливались свинцом.

Е Чжэнь бил методично и быстро, не давая брату перевести дух. С десятков новых, безжалостных ударов заставили несчастного вновь зайти в истошном крике.

Шуанчэн побелел как полотно. Спустя вечность истязание наконец прекратилось, и тяжесть ушла со спины. Совершенно обессилив, он безвольно сполз со стола, не чувствуя под собой

затёкших ног.

Однако упасть ему не дали — чья-то сильная рука крепко подхватила его за пояс.

Вздрогнув всем телом, юноша тихо всхлипнул и, искусав губы, еле слышно прошептал:

— Братец, не надо больше... Я всё понял, я правда виноват.

Е Чжэнь тяжело вздохнул и небрежно бросил дисциплинарную линейку на край стола. Он приложил ладонь к его лбу — кожа была влажной от холодного пота и пугающе горячей. Брат едва держал глаза открытыми, угасая на глазах от истощения.

Прижав ослабевшего юношу крепче к себе, Е Чжэнь тихо, но твёрдо произнёс:

— Сначала нужно обработать раны. Потерпи ещё немного, потом отдохнёшь.

Шуанчэна захлестнула бессильная злость.

«Сам же избил меня до полусмерти, а теперь строит из себя заботливого брата! К чему весь этот цирк?»

Мир вокруг покачнулся — Е Чжэнь бережно поднял его на руки. Мокрые от пота и слёз волосы облепили лицо Шуанчэна грязными прядями, но ему было глубоко плевать на уязвлённую гордость и приличия.

Единственное, чего ему сейчас хотелось — это провалиться в глубокий, беспамятный сон.

<http://bllate.org/book/18190/1747582>